

Т. Н. Жуковская

Школа для империи: М. М. Сперанский и С. С. Уваров о просвещении как инструменте реформирования империи

Один из первых западных биографов С. С. Уварова Цинтия Виттекер отмечала близость воззрений, а также взаимную приязнь двух выдающихся реформаторов первой половины века — М. М. Сперанского и С. С. Уварова. При этом американская исследовательница допускала, что Уваров разделял основные идеи М. М. Сперанского, воплощенные в его проектах 1809–1811 гг., которые, при условии их осуществления, позволили бы России войти в лоно просвещенных европейских государств, основанных на «фундаментальных» законах. «Кажется, нет сомнений в том, что они были единомышленниками, — писала Ц. Виттекер, — Сперанский, признавая в Уварове первоклассный ум, не без преувеличения утверждал, что они с Карамзиным — самые выдающиеся русские ученые»¹.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что Сперанский разделял в том числе и представления Уварова о центральной роли школы и просвещения в изменении социального облика многонациональной страны, в ее культурной и политической европеизации. С этими воззрениями молодой С. С. Уваров вступил в должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа 31 декабря 1810 г., их он последовательно отстаивал в течение 10 с лишним лет, до вынужденной отставки, облекая свои идеи в систему

кадровых, административных, научно-педагогических реформ. Достаточно сказать, что за это время ему удалось апробировать новую программу преподавания для гимназий, преобразовать существовавший в столице Педагогический институт в университет, укрепить его в кадровом, научном и хозяйственном отношении, открыть при университете Учительский институт для подготовки народных учителей². В дальнейшем, когда Уваров возглавил Министерство народного просвещения, идеология школьных реформ и их механизмы были скорректированы, облечены в привлекательную для императора Николая I риторичку так называемой «теории официальной народности», но в целом политика МНП в «уваровские» 1830–1840-е гг. демонстрировала преемственность в отношении целей образовательных реформ начала века.

Результатом этих реформ, независимо от их идеологического обрамления, стало выстраивание национальной системы просвещения, которая учитывала культурно-национальную неоднородность Российской империи и при этом была ориентирована на европейские, преимущественно немецкие, стандарты научного знания, формы организации преподавания и исследований. Более того, российская наука в годы управления С. С. Уварова как министра и президента Петербургской академии наук встраивалась в европейскую не посредством приглашения в Россию готовых специалистов, как ранее, а в форме подготовки нового поколения российских ученых непосредственно в европейских научных центрах. Те же, в свою очередь, транслировали с университетских кафедр передовое знание (в том числе в области истории, права, политических наук) будущим специалистам: юристам, учителям, журналистам, государственным чиновникам.

Личные отношения между двумя реформаторами установились, по видимому, в 1810–1811 гг., т. е. еще до ссылки М. М. Сперанского, когда он находился на вершине своего влияния, а 24-летний Уваров возглавил столичный учебный округ. После того как Сперанский был «прощен» и возвращен на службу, отношения двух «просвещенных бюрократов» стали более доверительными, несмотря на различия в возрасте, воспитании, статусе. В 1817 г., во время своего отпуска, Уваров встречался со Сперанским в Пензе, где тот 2,5 года пребывал в должности гражданского губернатора. Разумеется, он занимался тогда и сферой образования. Среди других дел Сперанский успел рассмотреть и удовлетворить прошение дворянства Чембарского и Нижнеломовского уездов об открытии двух уездных училищ. Уже отправившись в Сибирь согласно новому назначению, М. М. Сперанский пишет Уварову: «Я почитаю себя весьма счастливым, что видел вас в Пензе. В Иркутске вряд нам увидаться». С момента встречи в Пензе между двумя интеллектуалами на государственной службе возникла доверительная переписка, отражающая их взаимное уважение, приверженность активной преобразовательной деятельности, любовь к науке и знанию.

В фонде Сперанского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранились два письма Уварова за 1819 г.³, одно из которых опубликовано; известно также ответное письмо Сперанского Уварову. Сквозной темой писем является состояние народного просвещения и науки, в прямой связи с назначением Уварова в 1818 г. президентом Петербургской академии наук.

К тому времени уже можно было оценить и успешность либеральных реформ 1800-х гг. по устройству сети школ и университетов, и успехи Уварова в управлении столичным учебным округом, наглядным выражением которых стало преобразование Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет.

Школа, как и армия, в многонациональной империи является площадкой национальной и культурной унификации, а в значительной мере и политической мобилизации. Уваров на всех этапах своей карьеры был последовательным сторонником наилучшего европейского образования для элиты, создания каналов рекрутирования в элиту из низов (не исключая сословия государственных крестьян), смягчения народных нравов посредством массового обучения (отсюда — увлечение в конце 1810-х гг. идеями и практикой ланкастерских школ). Через систему университетов и высших специальных учебных заведений формировалась новая элита, которая по своему происхождению являлась преимущественно дворянской и полиэтничной, но превращалась в группу носителей универсальных ценностей: интеллектуальных, культурных, профессиональных. Одновременно создание школьной сети с тремя уровнями обучения (начальная, средняя, высшая школа) решало кадровые проблемы государственной службы, бюрократические задачи стандартизации и контроля, культурной и территориальной унификации империи, и, что особенно важно, задачи ненасильственного воспитания лояльности элит вновь присоединенных территорий. Это движение представлялось постепенным, избегающим ограничений и репрессий, предполагающим действие «мягкой силой». О роли школы и образования в развитии Российской империи два талантливейших бюрократа своего времени мыслили во многом сходно.

М. М. Сперанский в своем проекте 1809 г. представлял администрирование школы как часть социальной инженерии, подчиненную Министерству внутренних дел, как важную отрасль «народного хозяйства». Он полагал, что «департамент просвещения» может существовать в составе МВД достаточно самостоятельно, и притом не предполагает «другого надзора, кроме охранения от злоупотреблений»⁴. В трактате «Руководство к познанию законов», написанном в последние годы жизни для наследника Александра Николаевича, Сперанский описывает круг действий отдельного министерства, целью которого является «главное управление училищных заведений»⁵. Так или иначе, данная сфера управления была предметом его постоянного внимания.

Сперанского, так же как Уварова, волновала необходимость сочетать принцип сословности с распространением просвещения как основной целью ре-

форм. В 1800–1830-х гг. образование быстро превращалось в главный социальный регулятор и инструмент модернизации. Как известно, Сперанский был творцом указа 6 августа 1809 г. об экзаменах на чин, предписывавшего не определять никого спустя пять лет после устройства в том или ином учебном округе «училищной части» — к «гражданской должности, требующей юридических и других познаний». Чиновникам, желающим занять такие должности, предписывалось пройти курс наук «в общественном или частном училище» и сдать соответствующие экзамены установленным порядком. Вскоре во всех действующих университетах, а также в Петербургском педагогическом институте были организованы из профессоров «комитеты испытаний», удостоверяющие познания чиновников⁶. С. С. Уваров стал главным адептом и проводником данного указа, поскольку в столичном учебном округе масса чиновников, под него подпадавших, была наибольшей. Желавшие получить чин VIII класса и, соответственно, потомственное дворянство слушали профессорские лекции на «внешнем» курсе как вольнослушатели, сдавали экзамены «комитету испытаний» по предметам университетского курса. Сохранившиеся протоколы «комитета испытаний» Педагогического института в Петербурге говорят об интенсивности заседаний данного комитета, точнее нескольких предметных комиссий, через которые в течение года проходили десятки статских и военных чиновников.

Однако к концу первого десятилетия реформ Александра I Сперанский еще оценивал успехи российского просвещения весьма пессимистично. Пока «великие издержки, сделанные на сию часть правительством, есть совершенная потеря времени и денег», — констатировал он в записке «О силе правительства» (1810)⁷.

В связи с этим сохранившаяся переписка Уварова и Сперанского 1819 г. интересна как неформальный обмен мнениями по предмету, интересующему обоих корреспондентов. По форме она напоминает утешительную беседу двух интеллектуалов, которые прекрасно понимают друг друга и общаются без церемоний. Уваров называет Сперанского не иначе как «любимый и почтенный Михайло Михайлович». В письмах обсуждается и тема просвещения Сибири как неизбежное следствие миссии Сперанского и ее задач. Уваров пишет Сперанскому 23 апреля 1819 г.: «Новое ваше назначение открывает вам обширное поприще делать добро как государственный чиновник и как просвещенный христианин. Я уверен впредь, что... миссии добра с трудом пробьются сквозь мрак, покрывший несчастную Сибирь, <...> я радуюсь душевно при мысли, что свет правосудия и человечества озарит сей огромный и прекрасный край нашего Отечества»⁸. Вслед за тем Уваров сообщает об избрании Сперанского почетным членом Академии наук. Избрание Сперанского, кстати, произошло вскоре после избрания в почетные члены Академии Александра фон Гумбольдта и задолго до наделения этим статусом тогдашнего министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына. Это говорит о сознательных попытках Уварова поднять авторитет российской науки, опираясь на влиятельных

соотечественников и европейцев, но в отношении Сперанского этот акт предвосхищал полную реабилитацию последнего в глазах власти.

В финале указанного письма, которое было написано Уваровым накануне обсуждения составленного им обширного проекта устава Санкт-Петербургского университета, он намекает на противодействие враждебной «партии» в Министерстве народного просвещения, но пишет об этом иронически: «В Пензе вряд ли нам увидеться, воспрепятствует Святая Инквизиция, а бедных *pois libéraux* отправит для исправления под вашу опеку (т.е. в Сибирь. — Т. Ж.); но я сего не опасюсь: Инквизиция наша более скучна нежели зла, а Либералисты так рассеяны и так слабы, что и опасаться их нельзя. За тем примите, любимый и почтенный Михайло Михайлович, будьте здоровы, бодрствуйте духом и телом. Преданный Вам Ув[аров]»⁹.

О своей миссии в Сибири Сперанский много размышлял, имея в виду не только управление, но и просвещение края, которому следовало придать новый вид. Он пишет дочери 15 апреля 1819 г.: «Одна разлука с тобою составляет всю мрачную сторону моего нового назначения... Думаю, впрочем, что и без расчетов самолюбия путешествие мое для образования сего края будет не бесполезно. Может быть, Жуковские и Мерзляковы из рода тунгусов и остяков воспоют некогда мое имя, как греки воспевали своего Кадма или скандинавцы Одина. Само собою разумеется, что в сих песнях и ты не будешь забыта, и имя Елизаветы... займет несколько полустихий в их гексаметрах»¹⁰.

Однако, занимаясь администрированием Сибири и народов, ее населяющих, Сперанский порой сомневался, нужно ли дикарям европейское просвещение. В июле 1819 г., он наблюдает и так описывает киргизский национальный праздник. «Были в Омске, на границе Европейского образования. Дикие Киргизы придвинувшись с своими юртами давали мне праздник, то есть давали нам видеть, как они жрут почти сырых баранов и пьют кумыс (кобылье молоко). После сего было ристалище. Оно состояло в скачке. Молодые люди один после другого старались тут нагнать верхом скачущую девицу, одну из лучших невест; а она отбивалась от женихов плетью. Нет ничего отвратительнее дикой природы, если в самом деле это есть природа, а не одичавшее ее произведение»¹¹. Из приведенного описания видно, что Сперанскому чуждо отвлеченно-возвышающее отношение сентименталистов к туземцам как детям природы, не испорченным цивилизацией. Тем сложнее представлялось ему распространение среди народов Сибири элементов европейской цивилизации.

Уварову же Сперанский 18 сентября 1819 г. отвечал из Иркутска благодарностью за причисление к Академии наук. «Я действительно ему благодарен», — поясняет он, пересылая свое письмо Уварову с А. А. Столыпиным, с просьбой вручить лично¹². Сперанский не хочет отрываться от общественных и литературных новостей и просит Уварова прислать ожидаемый из печати IX том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также другие книги, с «оказией», которая предоставлялась в лице Пекинской миссии. Он от-

кровенно делится с Уваровым впечатлением от своей трудной, на пределе сил, миссии в Сибири, осмысляя ее философски и представляя как странствование: «Не заключите из сего, что я сожалею о сем странствовании. Не я выбрал его сам собою, но рад, что оно для меня выбрано. Нравственная или лучше сказать, политическая сторона сего края, местное управление его и род дел, на меня возложенных, превышают почти все мое терпение». Сперанский понимает, что оказался «на последней почти границе европейского образования. В 60-ти верстах отсюда, за Байкалом, оно кончится, там начнется другое образование, другое чувство изящного, другая религия»¹³.

С. С. Уваров отвечает Сперанскому отправлением новых книг, среди которых «первый свод тома нового собрания академических путешествий», дополняющих «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. «Первая часть путешествия Лепехина скоро выходит из печати, — сообщает он. — Сверх того, найдете вы еще несколько новостей как то записки (здесь запрещенные) аббата Жоржеля о России. Вообще литература беднеет каждый день. Политика все поглощает, все умы устремлены к предметам, входящим в ее круг».

При этом Уваров не огорчает корреспондента сообщением о том, что сам он потерпел неудачу при обсуждении в Главном правлении училищ своего главного «детища», проекта либерального устава для Санкт-Петербургского университета. Наоборот, он пытается поддержать Сперанского на его реформаторском поприще: «Бороться со всем и даже с самим собой есть девиз человека на поприще жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачная, но для совести своей всегда необходимая. Даже и отдыхать слаще после бурной службы гражданской, — отдыхать с друзьями всех столетий, живыми и мертвыми, с Вами, с Цицероном, с Монтенем...» Миссия Сперанского видится Уварову знаковой эпохой в истории Сибири. «Говоря недавно о Сибири, случилось мне сказать, что история Сибири делится на две только Эпохи: 1-я от Ермака до Пестеля, 2-я от Сперанского до... ХХХ. Это моя мысль и мое убеждение! Я смею ласкаться надеждою, что я, некоторым образом, содействую вам в великом предприятии вашем. Основание и распространение восточных языков должно произвести и распространение здравых понятий об Азии в ее отношениях к России. Вот поприще огромное, еще не озаренное лучами разума, новое поле славы неприкосновенной, — источник новой национальной политики, долженствующей спасти нас от дряхлости преждевременной и от Европейской заразы...»¹⁴

При комментировании этого высказывания, прозвучавшего в письме Уварова Сперанскому от 1 декабря 1819 г., есть соблазн усмотреть в позиции Уварова 1819 г. боязнь «европейской заразы» и уже на этом этапе карьеры вписать его в число консерваторов-антизападников. Такую прямолинейную трактовку идейной эволюции Уварова допускают его современные биографы М. М. Шевченко, А. Ю. Минаков, С. В. Удалов и др.¹⁵, что не позволяет различить «линию Уварова» 1817–1824 гг. на фоне генерального курса министерства

А. Н. Голицына. Однако анализ всего комплекса высказываний Уварова того времени и, в частности, контекст его переписки со Сперанским свидетельствуют в пользу того, что слова о «европейской заразе» сказаны им иронически, в форме троллинга ее тогдашних разоблачителей, прежде всего М. Л. Магницкого, главного оппонента Уварова в Министерстве народного просвещения.

Что касается собственно миссии М. М. Сперанского как сибирского генерал-губернатора, то дневник его перемещений по пути в Сибирь и по Сибири — это хроника именно просветительских усилий, прилагаемых там, где это было только возможно. Достаточно сказать, что Сперанский дважды посетил Казанский университет — на пути в Сибирь и на возвратном пути, оценил его проблемы и состояние, посетил Иркутскую гимназию, единственную в Сибири, созданную в 1805 г. на базе Главного народного училища. Во время визита старший учитель гимназии в приветственной речи выразил Сперанскому благодарность за то, что он своим отношением дал «прочность» и приходским училищам, оживил их «на долгое время»¹⁶.

Сперанский на своем пути осматривает существующие уездные училища и частные школы, приводит в действие уже подготовленные меры по открытию новых школ. 23 сентября 1819 г. он сообщает дочери из Иркутска: «Учредили и на сих днях открыли Ланкастерскую школу; по счастью со мною была книжка о сей методе, и все вскипело. <...> Таким образом все в порядке, и зима наша пройдет не бесплодно». Через А. И. Тургенева он запрашивает из Петербурга «с первую почтою таблицы, к методе сей принадлежащие и верно уже напечатанные»¹⁷. 17 февраля 1820 г. Сперанский посещает уездное училище в Селенгинске, открывает здесь отделение Библейского общества¹⁸, 29 февраля 1820 г. открывает еще одно отделение в Нерчинском уездном училище, поощряет благотворителей училищ, 29 июня 1819 г. была открыта казачья школа в Омске, 3 октября 1820 г. (уже на возвратном пути) реформатор обозревает Омскую инженерную школу, 7 февраля 1820 г. Тобольскую духовную семинарию. 4–5 марта в Верхнеудинске он рассматривает правила управления бурятских родов, принимает присягу старейшин в присутствии лам. То есть административное упорядочение территорий и племен, населявших просторы Сибири, которое создало Сперанскому репутацию ее реформатора, было развернуто им одновременно с активностью просветительской в широком, миссионерском смысле.

Результаты этих усилий не могли проявиться сразу, но через поколение стали очевидны. Символичным можно считать тот факт, что в 1845 г. сибирский юноша Дмитрий Менделеев, младший сын директора училищ Тобольской губернии Ивана Менделеева, питомца «уваровского» Педагогического института, прибыл учиться в Петербург. Уже в 1840-х гг. в столичном университете формируется сибирское студенческое землячество, представителем которого был, например, педагог и этнограф Д. И. Белов.

- ¹ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. С. 66–67.
- ² *Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С.* С. С. Уваров и его проекты 1811–1821 годов (к 200-летию преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Т. 10. № 7 (17). С. 113–129.
- ³ См.: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 1–5: Переписка С. С. Уварова и М. М. Сперанского. 1819. Одно из писем Уварова было опубликовано дважды, в том числе в 1896 г. А. Ф. Бычковым: Собственноручное письмо С. С. Уварова М. М. Сперанскому 1 декабря 1819 г. / Сообщ. академик А. Ф. Бычков // Русская старина. 1896. Т. LXXXVIII. Октябрь. С. 158. Первое письмо Уварова, от 23 апреля 1819 г. не публиковалось. Известно ответное письмо М. М. Сперанского от 18 сентября 1819 г. (Опубл.: *Сперанский М. М.* Путешествие в Сибирь. С 31 марта 1819 по 8 февраля 1821 года. Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб.: изд. Императорской Публичной библиотеки, 1872. С. 231–232).
- ⁴ *Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов // Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 384.
- ⁵ Руководство к познанию законов. С. 401.
- ⁶ *Феребов А. Н.* Развитие норм указа 6 августа 1809 года в ходе его реализации в первой трети XIX в. // Российская история. 2018. № 6. С. 103–120.
- ⁷ Руководство к познанию законов. С. 413.
- ⁸ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 3. Благодарю И. С. Пустовойта за указание на этот документ.
- ⁹ Там же. Л. 4.
- ¹⁰ *Сперанский М. М.* Путешествие в Сибирь. С. 144.
- ¹¹ Там же. С. 197–198.
- ¹² Там же. С. 252.
- ¹³ Там же. С. 231.
- ¹⁴ Там же. С. 233–234.
- ¹⁵ См. посвященный С. С. Уварову выпуск журнала: Тетради по консерватизму: альманах. 2018. № 1.
- ¹⁶ *Сперанский М. М.* Путешествие в Сибирь. С. 64.
- ¹⁷ Там же. С. 254.
- ¹⁸ Там же. С. 46.

References

FEREBOV A. N. *Razvitie norm ukaza 6 avgusta 1809 goda v khode ego realizatsii v pervoi tretii XIX v.* [The development of the norms of the decree of August 6, 1809 in the course of its implementation in the first third of the 19th century. In Russ.] // Rossiyskaya istoriya. 2018. No. 6. P. 103–120.

Sobstvennоручное pis'mo S. S. Uvarova M. M. Speranskomu 1 dekabrya 1819 g. [A handwritten letter from S. S. Uvarov to M. M. Speransky on December 1, 1819. In Russ.]. Soobshch. akademik A. F. Bychkov // Russkaya starina. 1896. T. LXXXVIII. Oktyabr'. P. 158.

SPERANSKII M. M. *Puteshestvie v Sibir'. S 31 marta 1819 po 8 fevralya 1821 goda. Dnevnik grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo.* [Travel to Siberia. From March 31, 1819 to February 8, 1821. Diary of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. In Russ.]. St. Petersburg: izd. Imp. Publichnoi biblioteki, 1872.

SPERANSKII M. M. *Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov.* [Introduction to the Code of State Laws. In Russ.] // Speranskii M. M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 335–394.

WITTEKER Ts. Kh. *Graf Sergei Semenovich Uvarov i ego vremena.* [Count Sergei Semenovich Uvarov and his time. In Russ.]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt, 1999.

ZHUKOVSKAYA T. N., PUSTOVOIT I. S. *S. S. Uvarov i ego proekty 1811–1821 godov (k 200-letiyu preobrazovaniya Glavnogo Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburgskii universitet).* [S. S. Uvarov and his

projects of 1811–1821 (to the 200th anniversary of the transformation of the Main Pedagogical Institute into St. Petersburg University). In Russ.] // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya. 2019. T. 10. No. 7 (17). S. 113–129.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. Н. Жуковская. Школа для империи: М. М. Сперанский и С. С. Уваров о просвещении как инструменте реформирования империи // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 140–148

Аннотация: Статья анализирует отражение в переписке М. М. Сперанского и С. С. Уварова 1819 г. основных проблем, стоявших в тот момент перед реформаторами просвещения в Российской империи. Среди них — противодействие со стороны «инквизиции», одерживающей верх в Министерстве народного просвещения, культурная инородность всего российского Востока, лежавшего за Уралом, одиночество реформаторов, колоссальный размах стоявших перед ними задач. Тем не менее подвижническая деятельность М. М. Сперанского во время его миссии по ревизии и управлению Сибирью дала ощутимые результаты не только в сфере административной унификации территорий и народов Сибири, но и в направлении устройства учебных заведений: гимназий, уездных и приходских училищ, ланкастерских школ. Общий культурный багаж и взаимоуважение корреспондентов сближают их позиции в оценке перспектив просвещения России и ее восточных окраин.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, С. С. Уваров, реформы просвещения при Александре I, Сибирское генерал-губернаторство, народные училища, просвещение инородцев.

FOR CITATION

T. Zhukovskaya. School for the empire: M. M. Speransky and S. S. Uvarov on education as a tool for reforming the empire // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 140–148

Abstract: The article analyzes the reflection in the correspondence of M. M. Speransky and S. S. Uvarov in 1819 of the main problems facing the reformers of education in the Russian Empire at that time. Among them are opposition from the “Inquisition”, which is gaining the upper hand in the Ministry of Public Education, the cultural heterogeneity of the entire Russian East, which lies beyond the Urals, the loneliness of the reformers, the colossal scope of the tasks they faced. Nevertheless, the selfless activity of M. M. Speransky during his mission to revise and manage Siberia gave tangible results not only in the field of administrative unification of the territories and peoples of Siberia, but also in the direction of organizing educational institutions: gymnasiums, county and parish schools, Lancaster schools. The common cultural baggage and mutual respect of the correspondents bring their positions closer in assessing the prospects for education in Russia and its eastern outskirts.

Key words: M. M. Speransky, S. S. Uvarov, education reforms under Alexander I, Siberian Governor General, public schools, education of aliens.

Автор: Жуковская, Татьяна Николаевна — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: Zhukovskaya, Tatiana Nikolaevna — Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Division of New History of Russia of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru